

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ

очерки
статьи
письма

*по мостовой
моей души*

Владимир
Маяковский

Издание подготовлено
Тимофеем Прокоповым

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 82-4(2Рос=Рус)6
МЗ9

Дизайн серии Ивана Ковригина

Дизайн обложки Дмитрия Агапонова

В оформлении книги использованы фотографии из фондов
Государственного музея В.В. Маяковского и архива РИА Новости

Составление, предисловие и примечания Тимофея Прокопова

Маяковский, Владимир Владимирович

МЗ9 По мостовой моей души / Владимир Маяковский; сост., предисл., примеч. Тимофея Прокопова. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 352 с.; ил. – (Письма и дневники)

ISBN 978-5-17-110347-7

«Маяковский идет – и по новым кварталам Москвы, и по старому Парижу, по всей нашей планете идет с “заготовками” – не новых рифм, а новых дум и чувств...» - писал Илья Эренбург. За свою жизнь Владимир Маяковский проехал сто пятьдесят тысяч километров, девять раз выезжал за рубеж. Побывал в Польше, Чехословакии, Германии, Франции, Испании, Кубе, Мексике, США. И каждый раз он привозил из своих путешествий новые стихи, очерки, рисунки. Оттуда же летели то радостные, то тревожные письма поэта Лиле Брик – ей первой спешил он рассказать о пребывании за границей.

Знакомство с культурой других стран, общение с коренными жителями и эмигрантами, богатые впечатления от увиденного стали основой его прозы, написанной в том же маршевом, барабанном ритме, который так хорошо знаком по его стихам и который ярко выделяет голос Маяковского среди всех остальных голосов.

УДК 821.161.1.09

ББК 82-4(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-110347-7

© Т.Ф. Прокопов, составление,
предисловие, примечания, 2018

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2018

По мостовой
моей души избезженной
шаги помешанных
вьют жестких фраз пяты.
Где города
повешены
и в петле блака
застыли
башен
кривые выи, —
иду
один рыдать,
что перекрестком
ра́спяты
городовые.

Маяковский В. «Я»

Впервые оказавшись в городе своей давней мечты – в Париже, поэт не сдержал восторга: «Я выхожу на Place de la Concorde!» Он тогда еще и помыслить не мог о том, как больно, как растревоженно ударил по сердцам изгнанников тот смысл, который им вкладывался в восклицание. Для них парижская площадь Согласия не стала той, какой привиделась поэту, – символом примирения, знаком согласия апатридов с теми, кто лишил их Родины.

В дальнейшем Маяковский ежегодно, и не по одному разу, пересекал недружественную (увы, такую же, как и теперь) границу с Западом. Из них шесть многодневных выездов он совершил в Германию и столько же во Францию (напомним: это были страны, наряду с Польшей приютившие у себя наибольшие потоки беженцев из России). А самым длительным (четырёхмесячным!) оказалось его путешествие по Мексике и Соединённым Штатам Америки. Напоминая об этом, приходится с сожалением отмечать, что среди сотен мемуарных, биографических и иных свидетельств о Маяковском его ежегодные поездки в зарубежье остаются белым, скудно освещаемым пятном.

Как провожали

Уезжал Маяковский в свой первый вояж, радостно одержимый ожиданием встреч и впечатлений, а вслед ему несло улюлюканье газет во главе с «Правдой». Центральный орган большевиков еще 8 сентября 1921 года открыл кампанию вовсе не литературного свойства, а политического освидетельствования поэта статьёй заведующего партийным Агитпропом Л. Сосновского «Довольно “маяковщины”».

«Видели ли вы на Тверской, – вопрошала газета, – в окне “Роста” выставленные раньше цветные, размалеванные, якобы революционные плакаты? Теперь их, к счастью, нет. Но раньше они оскорбляли глаз круглосуточно. Кому они доставляли удовольствие?»

Гг. футуристам. Ибо они получают за них фантастические гонорары. Разда кистью – и готова картина. По такому-то параграфу заплатить художнику с дюйма...

Прибавлена к нелепому рисунку пара нелепых строк якобы стихов...

Заразилась и провинция. Нашлись и там ловкачи, подражатели Маяковского, великовозрастные остолопы, не умеющие рисовать и не желающие этому делу учиться, но желающие “жрррать” по самому высокому тарифу...»

А страна читала, разглядывала и дивилась совсем непривычным: рифмованным, да с картинками, рекламным смешным зазываньям, которые тотчас будут тысячеусто повторены и Москвой, и повсеместно: «Нигде кроме, как в Моссельпроме», «Нет места сомнению и думе: всё для женщины только в ГУМе»; «Лучших сосок не было и нет. Готов сосать до старых лет»...

А стихи поэта, те, что настоящие и серьезные? И они до него так не писались: «Надо рваться в завтра, вперед, чтоб брюки трещали в ходу»; «Грядущие люди! Вам завещаю я сад фруктовый моей великой души!»; «Земля! Дай исцелю твою лысеющую голову лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот»; «Видите – гвоздями слов прибит к бумаге я»... Читая такое, Горький из своего полуэмигрантского сидения в итальянском «Иль Сорито» отзывался понимающе, но с осторожным одобрением: «В футуристах все-таки что-то есть!» И еще: «Много лишнего, ненужного у футуристов, они кричат, ругаются, но что же им делать, если их хватают за горло. Надо же отбиваться».

Однако скандальная кампания против «якобы революционного» творчества разворачивалась все шире и беспощадней, в нее, как по команде, втесались (и прежде не унимавшиеся) литературные недруги футуристов и лично Маяковского. От этих поэт отругивался легко и остроумно. Примерно так: на одном из литвечеров ничевоки отослали его «к Пампушке на Твербул (к памятнику Пушкину на Тверском бульваре. – *Ред.*) чистить сапоги всем желающим». Отбиваясь, он в карман за ответом не полез, а тут же потребовал принять резолюцию: «Запретить им в течение трех месяцев писать стихи, а вместо этого бегать за папиросами для Маяковского» (и зал дружелюбным хохотом резолюцию одобрил).

Лишь самые близкие знали: к злопыхательству Владимир Владимирович привыкал трудно и огорчительно, словно смиряясь как с неизбежным: ему всякое доводилось слыживать на выступлениях в десятках поездок по стране. Однако в 1921-м примешалось одно зловещее обстоятельство-совпадение. За неделю до беспардонной публикации «Правды», в которой содержалась устрашающая фраза «Надеемся, что скоро на скамье подсудимых будет сидеть маяковщина», страна узнала о том, что в ночь на 26 августа прогремели расстрельные выстрелы, унесшие жизни 61 деятеля науки, культуры, литературы (позже выяснилось: расстрелянных «по делу профессора Таганцева» было не 61, а 350 человек; через полвека они будут реабилитированы). Всех их, не утруждаясь разбирательствами, обвинили в заговоре и шпионстве. Имена казненных с краткими биографическими справками были опубликованы 1 сентября «Петроградской правдой» и «Красной газетой» (в этом сильно усеченном списке тридцатым читаем имя поэта Николая Гумилева).

Антимаяковский памфлет Сосновского был тогда многими понят как донос, так, словно большевистский босс предлагал еще одно имя в палаческий список.

И тут уместно напомнить: как раз с 1922-го началась многострадальная эпопея изгнания из страны интеллигентов, заподозренных в недозволяемом своемыслии. Об этом сегодня рассказывает долго скрывавшийся документ, который и дал ход новой волне репрессий: секретная директива Ленина, направленная 19 мая 1922 года председателю Государственного политического управления (ГПУ) Ф.Э. Дзержинскому. Текст почти восемьдесят лет оставался неизвестным. Не публиковался по причинам важным: оберегалась репутация вождя. Да и сами жертвы репрессий (те, кто выжил), все как один, в мемуарах писали, что не Ленин был зачинщиком. Прочтем же, что директивой предписывалось:

«Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

<...> Обязать членов Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий.

<...> Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

<...> Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и выслать за границу»¹.

Из требовательно указующих формул ленинской директивы одна у чекистов 1920–1930-х годов стала самой ходовой, растиражированной в тысячах приговоров: интеллигенты (а в письме это профессора, педагоги, писатели, журналисты, читай: все деятели науки и культуры) – не кто иные, как «военные шпионы», которых «надо излавливать постоянно». Что и было принято к исполнению на годы властвования большевиков. Здесь обратим внимание на ужасающий факт: почти все упомянутые в письме лица – и те, кто был обозван «шпионами», и те, кто «шпионов» арестовывал и судил

¹ Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. С. 73–74

(председатель Петроградской ЧК С.А. Мессинг, нарком внутренних дел Украины А.Н. Манцев и др.) вскоре оказались соседями на тюремных нарах, стали жертвами репрессий. Одних из страны изгнали, оставшихся (или оставленных) чуть позже расстреляли или замучили в ГУЛАГе. Ближайшие годы показали, что по сравнению с цифрой подвергшихся политическим расправам (таких миллионы) число изгнанных в 1922-м, вывезенных на пароходах, которые метафорически будут названы «философскими», оказалось ничтожно малым (всего-то сотни). Однако это были избранные из самых авторитетных (а потому сочтенных особо опасными), вырванные из той важнейшей для каждого государства прослойки, которая являлась интеллектуальной элитой, определяющей развитие и процветание любого общества.

Вот с ними-то Маяковскому и предстояли встречи, беседы, споры в литераторских клубах, во время домашних застолий и в кафе, нередко за его любимыми забавами – бильярдом, игрой в бридж или за рулеткой («осведомители», и там приглядывавшие за ним, дивились: как много уделял он времени богемщине; им трудно было понять, что для него это разгрузка, освобождение от напряженного умствования, отдых перед новыми трудами).

Еще до поездок в зарубежье Маяковскому довелось испытать на себе воздействие всевозможных «воспитательных» мер, более похожих на карательные. В их числе – больно ударивший по его писательскому самолюбию запрет «Окон РОСТА», ведомых им самозабвенно и радостно (думалось: вот польза стране, очищающей себя от скверны!). Тогда были уничтожены сотни из его знаменитых агитплакатов («сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей»; кое-что из сохранившегося ему удалось позже издать в сборнике «Грозный смех»; а теперь они заняли весь третий том в его Полном собрании сочинений; есть они и в других томах). Чем мог ответить на дикарство вначале «изласканный», но тут же и «окарканный» поэт? Прежде всего стихами. Как отповедь Сосновским и как насмешка над бюрократическим режимом, деспотически насаждаемым усердствующими аппаратчиками, прозвучала его сатира «О дряни», в которой одни настороженно, другие удивленно (до чего ж вызывающе, как смело!) читали:

Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тиной советская мешанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина. <...>

Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменив,
и засели во все учреждения.

Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне –
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спальни. <...>

На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На «Известиях» лежа, котенок греется.
А из потолочка
верещала
оголтелая канарейца.
Маркс со стенки смотрел, смотрел..
И вдруг
разинул рот,
да как заорет:
«Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
голова канарейкам сверните –
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!»

И «свертывание голов» не замедлило с осуществленьем, да к тому ж с рвением нарастающим, размашистым. А Маяковский, ни на йоту не усмирённый (не на такого нарвались!), подставляет голову публикацией новой сатиры, куда более острой, среди славословий громогласных и всё заглушающих совсем непопозвольтельной, прозвучавшей насмешкой над революционными строителями коммунизма, – «Прозаседавшиеся» (напечатана в «Известиях ВЦИК» 4 марта 1922 года). Стихи совершенно случайно проскочили в печать (в газету власти!), когда главный редактор Ю.М. Стеклов был в отъезде. Этого ненавистника Маяковского – разъяренного: как посмели! – смогло усмирить лишь одно совсем неожиданное для него (как, впрочем, и для всех) обстоятельство – стихи понравились Ленину.

«Это был поэт-театр»

Заграница впервые увидела Маяковского сразу во всем его богатырском облике и удивительно разным, со всеми его достоинствами и непонятностями, в актерских масках и без оных, примерно таким, каким описал его Корнелий Зелинский: «Кто он? Человек с падающей челюстью, роняющий насмешливые и презрительные слова? Кто он? Самоуверенный босс, беспепелляционно отвешивающий суждения, отвечающий иронически, а то и просто грубо?.. Разным бывал Маяковский... Самое сильное впечатление производило его превращение из громкоголового битюга, оратора-демагога... в *ранимейшего и утонченного* человека... Таким чаще всего его знали женщины, которых он пугал своим напором». Пугал, но и привораживал!

О своих бесчисленных выступлениях перед публикой Маяковский небрежно говорил, что он с трибун *бабахал*. Глагол «бабахать» – один из многосотенного словаря эпатажей Маяковского. Читая его тексты, мы то и дело натываемся на такие же наделенные острой экспрессией словечки, объяснений которым не найдешь ни в каком лексиконе, потому что смыслы, в них вложенные, – им изобретены, им придуманы, они тотчас подхватывались всеми, а позже, для ученого истолкования, попадали даже в профессорские труды.

Так, как Маяковский, читать, например, стихи или «бабахать» речи, завлекавшие экспрессией, не мог никто. Попытаемся повспоминать, кого еще из дружеского круга, из вместе с ним не раз выступавших, можно бы поставить рядом и сказать: вот такой же актер-трибун, ему равный. Может быть, Бориса Пастернака, по самой его природе негромкого, самоуглубленного, с аурой отделенности, обособленности, неприступности? Или, наоборот, открытого, шумного до бесшабашности Сергея Есенина, возбуждавшего себя алкоголем, но остававшегося трогательно нежным, без всякого напора взывающим к сочувствию и пониманию? Или Романа Яacobсона, о котором любая аудитория сказала бы: выступает муж ученый, вслух размышляющий, рассуждающий и приглашающий к соучастию в поиске каких-то истин?.. Даже яркие и горячие спорщики Виктор Шкловский и Давид Бурлюк, не уступавшие в эпатажности Маяковскому, признавали его превосходство в мастерстве (актерском!) держать аудиторию. Не в этой ли его разности, точнее – многоликости, да еще «головой над всеми» (Ю. Олеша) причина того, что ни одному живописцу (а пытались многие) и ни одному мемуаристу не удалось создать точный портрет поэта? У всех – только его маски.

О раскованности, свободной непринужденности Маяковского на трибунах и сценах, в любых аудиториях хорошо сказал один из его соратников, секретарь редакции журнала «Леф» Петр Незнамов: «Это был поэт-театр». Именно актерством, для него естественным, природным, более всего и поразил русскую эмигрантскую границу (и не только ее) «поэт-разговорщик», «поэт-театр».

Но и граница тоже поразила поэта. Чем же завлекла она и чем отвратила? От каких иллюзий освободила? Над чем убедила задуматься и в чем усомниться?

«Зря, ребята, на Россию ропщем!»

2 мая 1922 года Маяковский впервые пересек нашу границу – выехал в Ригу, и – его удивление: встречен он был здесь с нескрываемым, даже демонстративным недружелюбством. Латвия запретила ему главное – публичные выступления. И еще: едва издательство «Арбейтерхейм» выпустило (к приезду поэта) его поэму «Люблю», как власти спохватились и не развезенную по киоскам часть тиража конфисковали. А когда Маяковский, уже осенью, собрался выехать в Германию, то и тут прибалты учинили препоны: латвийское посольство отказалось выдать ему транзитную визу, и он отправился в эту поездку морем из эстонского Ревеля на пароходе «Рюген». «Я человек по существу веселый, – отозвался на запрет Маяковский. – Благодаря такому характеру я однажды побывал в Латвии и, описав ее, должен был второй раз уже объезжать ее морем».

«Описав ее...» – поэт имел в виду свое стихотворение «Как работает республика демократическая?», в котором сатирически выложил все негостеприимные странности («причиндалы», «благоустройства заграничные»), коими Латвия окружила его сполна, им не понятые, его изумившие, но зато давшие ему первые уроки на тему «я, Европа, не Россия, я другая» (тогда он не совсем разобрался в том, что Латвия еще не вся Европа). Правда, здесь и правительство («учредилка, где спорят пылко») имеется («чтоб языками вертели»), и армия (даже «пушки есть: не то пять, не то шесть»), и «свобода слова» («напечатал “Люблю” – любовная лирика. Вещь – безобиднее найдите в мире-ка! А полиция – хоть бы что!.. Через три дня арестовала»), и культура («В Латвии даже министр каждый – и то томится духовной жаждой. Мне и захотелось лекцишку прочесть... Жду разрешения у господина префекта...